

БИОПОЛИТИЧЕСКОЕ ПРОИЗВОДСТВО ЖИЗНИ И «НОВАЯ ВОЙНА»: ОПЫТ ФИЛОСОФСКОГО ИСТОЛКОВАНИЯ

К. Г. Мальцев¹, А. В. Мальцева²

Белгородский государственный технологический университет им. В. Г. Шухова, Белгород, Россия

¹e-mail: maltsevaannav@mail.ru

²e-mail: pavic69@mail.ru

Аннотация. Изменение характера войны отмечается большинством исследователей последние семьдесят лет; в последнее десятилетие предпринята попытка интеграции всех значимых и действующих факторов – в концепте «новой войны», анализ и интерпретация которого является актуальной исследовательской задачей. Авторы статьи анализируют дискурс «новой войны» в горизонте представления современного политического порядка в либеральной версии экономической парадигмы политического (термин Дж. Агамбена), с целью выявить существенно новые смыслы, отличающие его от понятия «классической войны»; «горизонт», «граница», «смысл» и «представление» как элементы парадигмы могут быть предметом исключительно философского истолкования. В результате проведенного исследования установлено: «биополитическое производство жизни» есть способ, каким современность становится действительностью; биополитика есть управление, то есть совершившееся снятие политического – деполитизация; асимметричная война является биополитическим феноменом по составу акторов, способу ведения, целям, представляется как «справедливая», «перманентная» и «легитимирующая» универсальный и глобальный политический порядок; исключение суверенного решения и «пустое место» как центр современного политического порядка, невозможность провести границу и расширение «области аномии» на все политическое пространство, неразличение «внешнего» и «внутреннего», принципиальное для понимания специфики дискурса «новой войны» означает тотальную деполитизацию: биополитической власти противостоит «голая жизнь», – война представляется полицейской операцией, целью которой считается умиротворение и нормализация насилия и подавление внутренних врагов. Философское истолкование как метод исследования обуславливает новый (и отчасти недоступный для дисциплинарного научного исследования вывод): «новая война» представляется инструментом управления, нацеленного на «нормализацию насилия», – она не есть модернизация классической войны и не находится с ней ни в какой преемственной связи, но есть новый биополитический феномен, существенно принадлежащий современности: данный вывод, различающий «классическую войну» и «новую войну», позволяет исключить из расчетов бесконечные противоречия, связанные с попытками рассматривать «новую войну» в перспективе политического, а не как управление; таким образом, раскрывается возможность дисциплинарных научных исследований новой войны в перспективе ее представленности как феномена современности.

Ключевые слова: новая война, биополитика, экономическая парадигма политического, пустое место, «голая жизнь», нормализация насилия, управление.

Для цитирования: Мальцев К. Г., Мальцева А. В. Биополитическое производство жизни и «новая война»: опыт философского истолкования // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2021. – № 4. – С. 86–94. DOI: 10.25198/2077-7175-2021-4-86.

BIOPOLITICAL PRODUCTION OF LIFE AND THE «NEW WAR»: EXPERIENCE IN PHILOSOPHICAL INTERPRETATION

K. G. Maltsev¹, A. V. Maltseva²

Belgorod State Technological University named after V. G. Shukhov, Belgorod, Russia

¹e-mail: maltsevaannav@mail.ru

²e-mail: pavic69@mail.ru

Abstract. The change in the nature of war has been noted by most researchers over the past seventy years. In the last decade, an attempt has been made to integrate all significant and operating factors – in the concept of a «new war», the analysis and interpretation of which is an urgent research task. The authors of the article analyze the discourse of the «new war» in the horizon of presenting the modern political order in the liberal version of the economic paradigm of the political (J. Agamben's term) in order to identify substantially new meanings

that distinguish it from the concept of «classical war». «Horizon», «border», «meaning» and «representation» as elements of the paradigm can be the subject of exclusively philosophical interpretation. As a result of the conducted research, it has been established: «biopolitical production of life» is the way in which modernity becomes reality. Biopolitics is management, that is, the accomplished removal of the political is depoliticization. The asymmetric war is a biopolitical phenomenon in terms of the composition of actors, mode of conduct, goals; it is presented as «just», «permanent» and «legitimizing» the universal and global political order. The exclusion of a sovereign decision and an «empty space» as the center of the modern political order, the impossibility of drawing the border and the expansion of the «area of anomie» to the entire political space, the nondiscrimination of «external» and «internal», which is fundamental for understanding the specifics of the discourse of the «new war» means total depoliticization. The biopolitical power is opposed by «naked life» – war is presented as a police operation, the purpose of which is considered to pacify and normalize violence and suppress internal enemies. Philosophical interpretation as a method of research leads to a new (and partly inaccessible for disciplinary scientific research) conclusion: the «new war» appears to be a management tool aimed at «normalizing violence» – it is not a modernization of the classical war and is not in any continuity with it, but there is a new biopolitical phenomenon that essentially belongs to modernity. This conclusion, which distinguishes between «classical war» and «new war», allows us to exclude from the calculations the endless contradictions associated with attempts to view the «new war» in the political perspective, and not as governance. Thus, the possibility of disciplinary scientific research of a new war is revealed in the perspective of its representation as a phenomenon of modernity.

Key words: new war, biopolitics, economic paradigm of the political, empty space, «naked life», normalization of violence, governance.

Cite as: Maltsev, K. G., Maltseva, A. V. (2021) [Biopolitical production of life and the «new war»: the experience of philosophical interpretation]. *Intellect. Innovatsii. Investitsii* [Intellect. Innovations. Investments]. Vol. 4, pp. 86–94. DOI: 10.25198/2077-7175-2021-4-86.

Введение; предмет, задачи, метод

Концепт «биополитики» был введен М. Фуко в 70-е годы XX века для обозначения включения в расчеты и механизмы власти *природной жизни* человека [1, с. 152], – дискурс «новой войны» М. Калдор [8] является своеобразным «подведением итога» многолетних усилий специалистов (социологов, политологов, юристов) объяснить новые (в отношении к представлению войны классиками, в первую очередь – К. Клаузевицем [9]) черты/особенности, которые приобрела война насыщенным ядерным оружием и глобализирующемся мире. Казалось бы, названные концепты настолько же далеки друг от друга в теории, насколько различаются «области действительности», к объяснению которых они применяются: «сходства» (а мы демонстрируем, что их немало) в таком случае не могут рассматриваться как *основание* не только для любого «объединения», но даже для простого сопоставления биополитики и новой войны. Однако основания для объединения есть, и они – *существенные*: во-первых, биополитика и новая война являются феноменами того, что М. Хайдеггер [20, с. 231] называл современностью. Более того, во-вторых, оба названных концепта имеют значение исключительно для *действительности*, представленной в либеральной версии экономической парадигмы политического (термин Дж. Агамбена [4]), то есть в горизонте основоположений «либеральной метафизики» (К. Шмитт [25]), косвенным подтверждением чего, кстати, служит то, что курс лекций М. Фуко «Рождение биополитики» [19] целиком посвящен выяснению того, что называется «либерализмом»:

то, что данное обстоятельство не «косвенное», но *непосредственно* относится к сути, – нам предстоит продемонстрировать в настоящей статье. То же можно сказать и о дискурсе новой войны, выстраиваемой М. Калдор [8]: уже состав ее «акторов» и характеристики «сторон» свидетельствуют о том, что речь здесь идет именно о взаимоотношениях *власти* и «голой жизни», – новая война (и в этом полагается ее существенная новизна) не есть «законная война суверенов», но многоаспектное взаимоотношение власти и деполитизированного населения (почему, кем и каким образом – нам также предстоит выяснить). Поскольку в фокусе нашего исследования – *способ представленности*, и речь идет об «объединении» двух различных концептов, то есть об основании и границах, то *методом* может быть только философское истолкование, поверх предметных областей дисциплинарной структуры науки: именно *представление* предоставляет как налично данные объекты для научных дисциплин (заметим также, что речь ни в коем случае не идет о «междисциплинарности», которая возникает «после», – мы же исследуем то, что «до», предшествует в порядке следования и раскрывает возможность дисциплинарного научного познания).

Биополитическое производство жизни как современность

Само выражение «биополитическое производство жизни» впервые использовано М. Хардтом и А. Негри в книге «Империя» [21]. Можно не разделять положений их «новой науки множества» (и не быть сторонником утопии «абсолютной демо-

кратии множества»), но не признавать, что исследователи обнаружили существенную черту современности («социальной реальности», как они говорят), почти невозможно. Дополнительным подтверждением этому является использование концепта «биополитики» в работах авторов разных направлений и, главное, противоположной «идеологической» (или «политической») ангажированности. В связи с биополитикой нас более интересует тот «поворот», который придал этой концепции М. Фуко Дж. Агамбен в трилогии «*Homo sacer*» [1; 2; 3].

Агамбен пишет (продолжим цитировать то место из первой книги, ссылку на которое мы привели во введении): «В финале «Воли к знанию» он (М. Фуко, – авт.) предельно точно резюмирует смысл процесса, вследствие которого на заре Нового времени жизнь становится ставкой в политической игре: «На протяжении тысячелетий человек оставался тем, чем он был для Аристотеля: живущим животным, способным, кроме того, к политическому существованию; современный же человек – это животное, в политике которого его жизнь как живущего существа ставится под вопрос»» [1, с. 152]. Итак, в биополитике *ставкой* является жизнь как таковая, то есть, в терминологии Агамбена, «голый человек». Следует реконструировать связи/контекст, в котором представление «голого человека» имеет смысл. Во-первых, его «антиподом» является суверен. Во-вторых, местом «голого человека» является «область аномии», которая теперь – «пустое место». В-третьих, «пустое место» амбивалентно: оно может быть местом «благой жизни» (у Агамбена – со ссылкой на «βίος» Аристотеля, в противоположность «ζωή»), но в современности это – действительность лагеря, в котором, по Агамбену, «мы все живем» и которая расширяется в политическом пространстве, «стремясь» занять его целиком, то есть уничтожить *политический порядок*. Наконец, в-четвертых, сам «голый человек» – это еще и *homo sacer*, то есть «абсолютно исключенный» (или «абсолютно чужой»): он в точном смысле – не-политический человек (разве что в процессе «чистого насилия» и политике как «игре: средства без цели на пустом месте возникнет что-то принципиально новое, та же «абсолютная демократия множества» М. Хардта – А. Негри [22]).

Биополитика и «голый человек» *суть* связаны: биополитика как таковая появилась не вчера, но, как пишет Агамбен, явление такое же древнее, как суверенная власть: «Включение голой жизни в сферу политического составляет первоначальное – хоть и потаенное – ядро суверенной власти. Можно даже сказать, что производство биополитического тела и является подлинной деятельностью суверенной власти» [1, с. 13–14]. В суверенном политическом порядке она действительна как «суверенное исключение». Однако политический порядок, пред-

ставленный в либеральной версии экономической парадигмы политического, то есть современный, как раз *исключает место суверена*: чрезвычайное положение, выделяющее область аномии и введенное суверенным решением, становится нормой (Агамбен напоминает, ссылаясь на К. Шмитта, что суверен, который «над порядком» вводит чрезвычайное положение для того, чтобы вернуть «область аномии» в порядок, – суверена больше нет, вместо него – «пустое место»). Суть суверенного решения о чрезвычайном положении – *проведение границы*, различие «внутреннего» и «внешнего»: «внутреннее и внешнее вступают в те сложные топологические отношения, которые делают возможной действенность порядка» [1, с. 26–27]. Место «голой жизни» – чрезвычайное положение; но это и место «свободы» и «благой жизни» (по Аристотелю): «Быть отверженным и быть свободным – одно и то же («борьба за голую жизнь», которая, как частная, есть предмет особой заботы «демократии» в ее либеральном истолковании); но главное то, что в биополитике, поскольку объектом политики становится сама «голая жизнь», и таким образом все и все тотальнее становятся *homo sacer*, то это становится возможным и теперь очевидным потому, что «отношение отверженности изначально определяет собой структуру суверенной власти» [1, с. 145].

Итак, политический порядок, центром которого является «пустое место», характеризуется тем, что: во-первых, «область аномии» не может быть выделена; во-вторых, граница отсутствует, и «внутреннее» и «внешнее» неразличимы; в-третьих, правовой порядок в такой ситуации не восстанавливается. Агамбен утверждает, «что именно чрезвычайное положение как фундаментальная политическая структура в наше время все больше и больше выходит на первый план и стремится к тому, чтобы в конечном счете стать правилом. Когда наше время попыталось дать этому нелокализуемому видимую и постоянную локализацию, результатом стал концентрационный лагерь. Не тюрьма, а именно концлагерь является в действительности пространством, которое соответствует этой первоначальной структуре *номоса*» [1, с. 29].

Философское истолкование есть *выстраивание горизонта*; здесь таковым, во-первых, является тотальное различие двух парадигм политического западной политической философии и, во-вторых, понятие современности М. Хайдеггера. Следует еще раз обратить внимание на то, что парадигма *представляет действительность*, в том числе – посредством того, что Шмитт называл «метафизическими понятиями», в которых действительно «свмещается» реальность понятия и действительность (в западной метафизике, по Хайдеггеру, одним из четырех способов, из которых современный – кантовский, то есть субъективный).

Парадигма «понятия политического» К. Шмитта [26] устанавливает *политическое* как нередуцируемую область действительности. Эта область раскрывается суверенным решением, противопоставляющим «друга» «врагу» («экзистенциальное противостояние», то есть – вопрос существования). Противопоставление имеет именно политический характер и не может быть сведено к моральной дисквалификации врага как преступника: враг «законный», то есть признанный равным, – война есть выяснение соотношения сил по поводу «законных интересов» и заканчивается миром. Также, как суверен решением о чрезвычайном положении выделяет «область аномии» с тем, чтобы восстановить правовую форму политического порядка, так и война между суверенами имеет целью заключение мира, – здесь обнаруживается принципиальное отличие от того, что именуется «новой войной». Либеральная версия экономической парадигмы политического, в которой нет места суверена и исключено суверенное решение (либеральный принцип «верховенства права») означает исключение суверенного решения: показателен в этом отношении спор Шмитта и Кельзена 20-х годов XX века [см. 24], выходящий за рамки выяснения правоприменения и правового порядка, но относящийся к области политической онто-теологии [15]), представляет действительность как *гомогенную* (вопрос о «границе» внутри гомогенного порядка не может быть даже поставлен, не только решен), управляемую (согласно «вечному разумному закону», который в либеральной же версии включает «изначальные права» индивида как субъекта, основанные в его свободе и автономии как «неразложимого локуса реальности», но «состав» и «интерпретация» которых может меняться), редуцируемую к интересам и предполагающую «моральные оценки» (то есть «отнесение к ценности» полагается как необходимое). Главное здесь – невозможность различения «внутреннего» и «внешнего»: политический порядок в экономической парадигме политического представляется как единый и единственный без границ.

Этот порядок есть *область действительности* как *современности*. Его действительность обретается в представлении *новоевропейского субъекта*, – М. Хайдеггер продемонстрировал, что это значит: торжество «обеспечения жизни (*Lebenssicherung*)» [20, с. 432], то есть *биополитика* как *обеспечение гарантий безопасности* *наличной* (мы скажем, вслед за Агамбенем, *голой*) *жизни* *наличных индивидов* (то есть, по Хайдеггеру, «*историографических животных*»; по Агамбену – *homo sacer*; – для выполнения задач нашего исследования можно опустить вопрос о различиях в понимании Хайдеггера и Агамбена: у обоих речь идет о *наличной жизни субъекта/индивида, представ-*

ленного как налично же данный). Хайдеггер утверждает, что «субъектный характер человека – как *новоевропейского* – является *глубиннейшей исторической силой*» [20, с. 54]; *новоевропейский субъект полностью настроен больше не полагаться на «случай», но все «без остатка» включать в планирующий расчет разума*» [20, с. 178]. *Господство субъекта означает, что «человек знает, что он человек, когда серьезно относится ко всему этому владению, наживает на нем и больше ничего не терпит и оправдывает всякое воздействие успехом и везде утверждает себя как этот Subjektum»* [20, с. 432], то есть *главное для нас здесь – «безвопросность существования», что и есть безопасность*. *Современность* (Хайдеггер использует также термины «*эпоха завершения нового времени*» и «*эпоха нигилизма*») означает, что «человек всецело осознал себя «субъектом» и прежде всего так и действует», то есть: «Человек со всем имеющимся у него в распоряжении и собственным сводит все человеческое общность и унаследованную *человечность* – в лежащее в основе всех оценок и планов и реализаций и дает возможность заложить в основу меру и цель и планирование как область» [20, с. 431–432].

Итак, современность, рассмотренная в понимании представляющего *новоевропейского субъекта*, озабоченного гарантиями безопасности своего *наличного существования* в качестве «безвопросной и абсолютизированной *человечности*», то есть торжество «обеспечения жизни» как *биополитика*; политический порядок в либеральной версии экономической парадигмы политического, конститутивом которого является «пустое место» и представленный как *гомогенный, универсальный и глобальный*; захватывающая его «область аномии» как следствие неспособности провести границу, то есть абсолютное исключение суверенного решения; «голые люди», население (в другом отношении они же есть *человеческий капитал* [16], как объект управления, то есть *властной заботы*; наконец, невозможность законного врага [26]: враг необходимо дисквалифицируется в преступника, который, если он бросает вызов, называется *террористом*, – таков горизонт осмысленности дискурса «новой войны».

Нам следует продемонстрировать, что «новая война» действительно и существенно «вписана» в этот горизонт, и только из него дискурс новой войны имеет смысл: действительность новой войны определяется современностью и современным (либеральным) политическим порядком; дискурс новой войны имеет значение в горизонте представления политического в экономической парадигме политического, – нужно еще раз повторить, что методологически значимое различие между действительностью и представлением снимается в «радикальных», то есть «метафизических» (они

же – «мифические», по К. Шмитту), то есть парадигмальных понятиях.

Дискурс «новой войны»: состав и структура; глобальное измерение биополитики

Показательным является то, что *все существенные определения*, которые даются «новой войне» многочисленными авторами, совпадают (до тождественности) с названными выше «чертами» современности и «характеристиками» представления политического порядка в экономической парадигме политического.

Дискурс «новой войны» (почему именно дискурс, а не понятие [см.: 12]) собирает (правильнее говорить о нескольких «пересекающихся» дискурсах, различным образом группирующих многие «характеристики», большая часть которых совпадает) несколько «признаков» (выявленных за более чем пятьдесят последних лет), отличающих «новую» войну от «классической», обусловленных новыми реалиями, то есть современностью: Ф. Хоффман [28] пишет о «гибридной войне», М. Шоу [31] – о «вырожденной войне», Д. Мюллер [29] – об «обломках войны»; Г. Мюнклер [18] и Э. Люттвак [14] обращают пристальное внимание на то, что это – ассиметричная война; наконец, М. Калдор [8] вводит «обобщающее определение» новой войны. С другой стороны, Х. Хофмайстер [23] рассуждает о современной войне как о «бессилии политики»; раньше него, Р. Арон [6] пишет о новых «реалиях ядерного века» и ограничениях, которые вынуждают в этой связи воздерживаться от «прямых военных столкновений» именно тех, кто способен вести войну (они теперь ядерные державы).

Первое. Новая война – *ассиметричная*: она происходит не между суверенами – «законными врагами», но между акторами, политический статус которых иногда бывает затруднительно определить: между теми, кто представляет действующую власть (в каком-либо локальном или глобальном политическом пространстве) и «повстанцами» («партизанами» или «террористами», различие между которыми будет проведено нами далее); между вооруженными группами в отсутствие суверенной власти (и это – не «старая» гражданская война); даже (Кревельд [10], например, указывает на это как на характерную черту «войн в Африке») между «образованиями», по словам Кревельда, так и не «ставшими» государствами «в действительности». Акторы используют разные средства (военно-технические, инфраструктурные), у них – разные возможности, признание/легитимность, тактика и цели. Вопрос о суверенитете в подобных войнах, если вообще ставится, то очень специфическим образом: как исключительное право одной из сторон проведения миротворческой операции, направленной против противника, которому всегда отказано в легитимно-

сти (взаимно: это есть вызов и основание для различения «преступника» и «террориста: [11]).

Второе. Новая война – *тотальная*: не только в смысле использования любых средств, как ее впервые определил Людендорф: тотальная мобилизация всех наличных/имеющихся в распоряжении ресурсов, – одна из существенных характеристик современности, определенной «идеей техники» – «держат в наличии, готовым к использованию»: Хайдеггер о способе, которым существует ново-европейский субъект, – но прежде всего в том, что снимается («не удерживается») различие между «военными» и «гражданскими»: последние рассматриваются во всех отношениях как ресурс и как среда, в которой ведется и которым пользуются стороны в новой войне: население рассматривается как (пусто пассивно) вовлеченное в войну.

Третье. Новая война имеет целью *безопасность/умиротворение*: задачей провозглашается нормализация насилия [13], защита населения от «бедствий войны», даже в том случае, когда война начинается как миротворческая операция («гуманитарная интервенция»); то есть власть (о ней – позже) получает легитимность в самом процессе и вследствие «обеспечения безопасности» (на это специально обращают внимание, например, М. Хардт и А. Негри [21]; но об этом же пишет и М. Калдор [8]): население выступает как объект заботы власти.

Четвертое. В дискурсе «новой войны», и это принципиально, *население деполитизировано* и в нем проводится *различение на преступников* (и «пособников») и тех, на кого могут «опереться миротворцы»: М. Калдор большую часть своей книги посвящает именно этому. Она не рассматривает политическое пространство, в котором действуют «миротворцы» как суверенное и ограниченное этим, а население – как граждан данного политического порядка. Сам «перечень» тех, на кого, как она считает, «непременно следует опираться миротворцам», демонстрирует, что речь ведется о биополитическом феномене «голой жизни» (называются практически все маргинальные, в отношении данного политического порядка, «элементы», – которые, взятые в отвлечении от политического порядка, не представляются маргинальными) и о «голых людях», составляющих население. Более того, разделение между преступниками и теми, которых она неоднократно называет «своими», в основании имеет представление о действительности глобального порядка, то есть производится разделение на тех, кто из него исключен, и тех, кто к нему приписан (биополитическая процедура, или «стратегия», по Фуко; «управление стадом»).

Пятое, и это опять подчеркивается всеми «теоретиками новой войны» (и особенно акцентируется М. Калдор): в действительности новой войны невозможно различить «внутреннее» и «внешнее»; новая

война – именно *внутренняя*, – *внутри глобального политического порядка*, который представляется *действительным*, а любые границы – *не существующими*. В этом смысле, новая война – совершенно точно представляется как полицейская операция: «мировое сообщество» проводит ее против преступников-террористов, бросивших вызов «мировому порядку». Это прежде всего – деполитизированная война, и описывается она в категориях морали/права: в концепте новой войны возрождается идея справедливой войны; такая война не предполагает мира, но только серию перемирий (как «замораживаний конфликта»), вызванных недостатком сил у власти «мирового сообщества» в данный момент – «довести дело до конца» и снять/исключить/изолировать (слово «уничтожить» редко используется из-за своей откровенности) преступников/террористов. Новая война есть инструмент биополитической политики безопасности.

Итак, новая война представляется в глобальном политическом пространстве, в котором исключена множественность суверенов, сняты политические границы, населению которого следует гарантировать безопасность. Население, в свою очередь, представляется биополитически: как «совокупность» индивидов, интересы которых предполагают гарантии безопасности, и которые – «голые»: то есть принципиально лишены политической, национальной, религиозной существенной, то есть не сводимой к интересу, определенности. Глобальное политическое пространство, лишенное суверенитетов и границ, управляемое бюрократически (бюрократия есть завершение «идеи земной иерархии», пришедшей в «свою собственную» форму; Дж. Агамбен, описывая историю экономической парадигмы политического, подробно разбирает, что она есть) по «вечному разумному закону» (по З. Бауману [7], еще остающиеся государства теперь представляются «полицейскими участками», обеспечивающими безопасность, применяя «международные правила» [17]) структурировано имперски: как ядро/центр – и периферия; «ядро» называет себя «мировым сообществом» и управляет империей, в том числе, посредством политики безопасности: «гуманитарных интервенций», полицейских

операций, то есть – посредством новой войны: новая война, таким образом, является измерением биополитики, биополитическим феноменом.

Результаты; заключение

В статье речь велась о *представлении* новой войны; она есть биополитический феномен не в смысле «случайных совпадений», или «аналогий», но по существу, – мы постарались это продемонстрировать: «поместили» ее в горизонт современности и, рассмотрев дискурс «новой войны» в перспективе представления политического порядка в либеральной версии экономической парадигмы политического; было показано: биополитика есть способ, которым новоевропейский субъект заботится о гарантиях своей безопасности; либеральный политический порядок, конституированный относительно «пустого места» (связь которого с самоутверждающимся новоевропейским субъектом очевидна), гарантирует свою действительность посредством политики безопасности, инструментом которой является «новая война».

Разумеется, следует принимать в расчет *политическую и идеологическую ангажированность* теоретиков «новой войны»: они обеспечивают себя как «хозяев дискурса», или, по крайней мере, оставляют за собой управление им. Но это не главное, и «верность либеральным ценностям», которые не могут быть предметом компромисса (например: Ролз [30], Эльстер [27], Анкерсмит [5]) и защищены «властью институтов», не определяет описанное обстоятельство. Именно такое представление политического порядка и новой войны является парадигмальным, то есть необходимым – в «либеральной метафизике»; представление в либеральной версии экономической парадигмы политического порядка и «новой войны» предоставляет в наличие определенным образом уже готовую для дисциплинарно организованного объективного научного исследования действительность: так работает парадигма, «совмещающая» реальные понятия и действительность: в новое время – субъективно, в объективирующем предметном представлении самоутверждающегося и озабоченного гарантиями своей безопасности субъекта.

Литература

1. Агамбен Дж. Номо sacer. Суверенная власть и голая жизнь. М.: Издательство «Европа», 2011. 256 с.
2. Агамбен Дж. Номо sacer. Чрезвычайное положение. М.: Издательство «Европа», 2011. 148 с.
3. Агамбен Дж. Номо sacer. Что остается после Освенцима. М.: Европа, 2012. 192 с.
4. Агамбен Дж. Царство и слава. К теологической генеалогии экономики и управления. М.; СПб: Издательство Института Гайдара; Факультет свободных искусств и наук СПбГУ, 2018. 552 с.
5. Анкерсмит Ф. Р. Эстетическая политика. Политическая философия по ту сторону факта и ценности. М.: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2014. 432 с.
6. Арон Р. Мир и война между народами. М.: Nota Bene, 2000. 880 с.
7. Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества. М.: Издательство «Весь Мир», 2004. 188 с.

8. Калдор М. Новые и старые войны: организованное насилие в глобальную эпоху. М.: Изд-во Института Гайдара, 2015. 416 с.
9. Клаузевиц К. О войне. М.: Эксмо, 2007. 861 с.
10. Кревельд М. Трансформация войны. М.: Альпина Бизнес Букс, 2005. 344 с.
11. Ломако Л. Л., Мальцев К. Г. Дискурс «антитеррористической войны» и справедливая, то есть тотальная, война // *Politbook*, 2020. № 3. С. 80–97.
12. Ломако Л. Л., Мальцев К. Г. Несколько замечаний по поводу «новизны» дискурса «новой войны»: «инновации» и традиция // *Интеллект. Инновации. Инвестиции*, 2020. № 4. С. 70–80.
13. Ломако Л. Л., Мальцев К. Г., Мальцева А. В. Нормализация насилия: стратегия безопасности и современная форма «политического» // *Гуманитарный вестник*, 2020. вып. 6. С. 4.
14. Люттвак Э. Н. Стратегия. Логика войны и мира. М.: Ун-т Дмитрия Пожарского, 2017. 381 с.
15. Мальцев К. Г., Зайцева Е. А. К вопросу о статусе и интерпретации решения в онтологиях «социального порядка» (трансцендентализм М. Вебера и децизионизм К. Шмитта) часть 2: децизионизм К. Шмитта // *Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки*, 2016. № 4 (44). С. 103–114.
16. Мальцев К. Г., Мальцева А. В. «Человеческий капитал» как концепт биополитики: опыт философского истолкования // *Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент*. 2020. Т. 10. № 5. С. 242–252.
17. Мальцев К. Г., Мальцева А. В., Ломако Л. Л. Глобализация и вестернизация: горизонты «отождествления» и «различения» // *Социально-политические науки*, 2020. Т. 10. № 5. С. 106–114.
18. Мюнклер Г. Осколки войны: эволюция насилия в XX и XXI веках. М.: Кучково поле, 2018. 381 с.
19. Фуко М. Рождение биополитики. Курс лекций, прочитанный в Коллеж де Франс в 1978–1979 учебном году. СПб.: Наука, 2010. 448 с.
20. Хайдеггер М. Размышления VII–XI (Черные тетради 1938–1939). М.: Изд-во Института Гайдара, 2018. 528 с.
21. Хардт М., Негри А. Империя. М.: Праксис, 2004. 440 с.
22. Хардт М., Негри А. Множество: война и демократия в эпоху империи. М.: Культурная революция, 2006. 559 с.
23. Хофмайстер Х. Воля к войне, или Бессилие политики. Философско-политический трактат, СПб.: ИЦ Гуманитарная Академия, 2001. 288 с.
24. Шмитт К. Государство: Право и политика. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2013. 448 с.
25. Шмитт К. Духовно-историческое состояние современного парламентаризма / К. Шмитт. Понятие политического. СПб.: Наука, 2016. С. 93–170.
26. Шмитт К. Понятие политического. СПб.: Наука, 2016. С. 280–408.
27. Эльстер Ю. Кислый виноград: Исследование провалов рациональности. М.: Издательство Института Гайдара, 2018. 296 с.
28. Hoffman F. G. Conflict in the 21-st century. The rise of hybrid wars. Arlington: Potomac Institute for policy studies, 2007. 72 p.
29. Mueller J. The remnants of war. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2007. 272 p.
30. Rowlis J. Political Liberalism. New York: Columbia university press, 1996. 525 p.
31. Shaw M. War and globality: the role and character of war in the global transition / Ho-Won Jeong (ed.) *Peace and Conflict: A New Agenda*, Aldershot: Ashgate, 2000. 407 p.

References

1. Agamben, Dzh. (2011) *Homo sacer. Suverennaya vlast' i golaya zhizn'* [Homo sacer. Sovereign power and naked life]. Moscow: Evropa Publ. 256 p. (In Russ.).
2. Agamben, Dzh. (2011) *Homo sacer. Chrezvychajnoe polozhenie* [Homo sacer. State of emergency]. Moscow: Evropa Publ. 148 p. (In Russ.).
3. Agamben, Dzh. (2012) *Homo sacer. Chto ostaetsya posle Osvencima* [What remains after Auschwitz]. Moscow: Evropa Publ., 192 p. (In Russ.).
4. Agamben, J. (2018) *Carstvo i slava. K teologicheskoy genealogii ekonomiki i upravleniya* [The Kingdom and the Glory: For a Theological Genealogy of Economy and Government]. Moscow; St. Petersburg: Gaidar Institute Publishing House; Faculty of Liberal Arts and Sciences, St. Petersburg State University Press, 552 p. (In Russ.).
5. Ankersmit, F. R. (2014) *Esteticheskaya politika. Politicheskaya filosofiya po tu storonu fakta i cennosti* [Aesthetic policy. Political philosophy beyond fact and value]. Moscow: Publishing House of the State University Higher School of Economics, 432 p. (In Russ.).

6. Aron, R. (2000) *Mir i vojna mezhdu narodami* [Peace and war between peoples]. Moscow: Nota Bene Publ., 880 p. (In Russ.).
7. Bauman, Z. (2004) *Globalizatsiya. Posledstviya dlya cheloveka i obshchestva* [Globalization. Consequences for individuals and society]. Moscow: The whole world Publ. 188 p. (In Russ.).
8. Kaldor, M. (2015) *Novye i starye vojny: organizovannoe nasilie v global'nyu epohu* [New and old wars: organized violence in the global era]. Moscow: Publ.house of Gajdar university, 416 p. (In Russ.).
9. Klauzevic, K. (2007) *O vojne* [About war]. Moscow: Eksmo Press, 861 p. (In Russ.).
10. Kreveld, M. (2005) *Transformatsiya vojny* [War transformation]. Moscow: Alpina Business Books Publ., 344 p. (In Russ.).
11. Lomako, L. L., Mal'cev, K. G. (2020) [Discourse of «anti-terrorist war» and fair, that is, total, war]. *Politbook* [Politbook]. No. 3, pp. 80–97. (In Russ.).
12. Lomako, L. L., Mal'cev, K. G. (2020) [A few comments on the «novelty» of the «new war» discourse: «innovation» and tradition]. *Intellekt. Innovatsii. Investitsii* [Intellect. Innovations. Investments]. No. 4, pp. 70–80. (In Russ.).
13. Lomako, L. L., Mal'cev, K. G. (2020) [Normalization of Violence: Security Strategy and the Modern Form of the «Political»]. *Gumanitarnyj vestnik* [Humanitarian Bulletin]. No. 6, pp. 4. (In Russ.).
14. Lyutvak, E. N. (2017) *Strategiya. Logika vojny i mira* [Strategy. The logic of war and peace]. Moscow: Un-t Dmitriya Pozharskogo Press, 381 p. (In Russ.).
15. Mal'cev, K. G., Zajceva, E. A. (2016) [To the question of the status and interpretation of the decision in the ontologies of «social order» (M. Weber's transcendentalism and K. Schmitt's decisionism) part 2: K. Schmitt's decisionism]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. Seriya: Social'nye nauki* [Bulletin of Nizhny Novgorod University. N. I. Lobachevsky. Series: Social Sciences]. No. 4 (44), pp. 103–114. (In Russ.).
16. Mal'cev, K. G., Mal'ceva, A. V. (2020) [«Human capital» as a concept of biopolitics: the experience of philosophical interpretation]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sociologiya. Menedzhment* [News of the South-West State University. Series: Economics. Sociology. Management]. Vol. 10, No. 5, pp. 242–252. (In Russ.).
17. Mal'cev, K. G., Mal'ceva, A. V., Lomako, L. L. (2020) [Globalization and Westernization: horizons of «identification» and «discrimination»]. *Sotsial'no-politicheskie nauki* [Socio-political sciences]. Vol. 10. No. 5, pp. 106–114. (In Russ.).
18. Myunkler, G. (2018) *Oskolki vojny: evolyutsiya nasiliya v XX i XXI vekah* [War Remnants: Evolution of Violence in the 20th and 21st Centuries]. Moscow: Kuchkovo field Publ. 381 p. (In Russ.).
19. Fuko, M. (2010) *Rozhdenie biopolitiki. Kurs lekcij, pročitannyj v Kollezhe de Frans v 1978–1979 uchebnom godu* [The birth of biopolitics. A course of lectures given at the College de France in the 1978–1979 academic year]. St Petersburg: Science Publ. 448 p. (In Russ.).
20. Heidegger, M. (2018) *Razmyshleniya VII–XI (Chernye tetrady 1938–1939)* [Ponderings VII–XI (Black Notebooks 1938–1939)]. Moscow: Gaidar Institute Publishing House, 528 p. (In Russ.).
21. Hardt, M., Negri, A. (2004) *Imperiya* [Empire]. Moscow: Praxis Press. 440 p.
22. Hardt, M., Negri, A. (2006) *Mnozhestvo: vojna i demokratiya v epohu imperii* [The multitude: war and democracy in the era of the empire]. Moscow: Cultural revolution Publ., 559 p. (In Russ.).
23. Hofmajster, H. (2001) *Volya k vojne, ili Bessilie politiki. Filosofsko-politicheskij traktat* [The Will to War, or the Powerlessness of Politics. Philosophical and political treatise]. St Petersburg: IC Humanitarian Academy Press, 288 p. (In Russ.).
24. Shmitt, K. (2013) *Gosudarstvo: Pravo i politika* [State: Law and Politics]. Moscow: Publishing House «Territory of the Future», 448 p. (In Russ.).
25. Schmitt, K. (2016) [Spiritual and historical state of modern parliamentarism]. *Ponyatie politicheskogo* [The concept of the political]. St. Petersburg: Science SPubl., pp. 93–170. (In Russ.).
26. Schmitt, K. (2016) [The concept of the political]. *Ponyatie politicheskogo* [The concept of the political]. St. Petersburg: Science. Publ., pp. 280–408. (In Russ.).
27. Elster, Y. (2018) *Kislyj vinograd: Issledovanie provalov racional'nosti* [Sour Grapes: A Study of Rationality Failures]. Moscow: Gaidar Institute Publishing House, 296 p. (In Russ.).
28. Hoffman, F. G. (2007) Conflict in the 21-st century. The rise of hybrid wars. *Arlington: Potomac Institute for policy studies*, 72 p. (In Eng.).
29. Mueller, J. (2007) The remnants of war. Ithaca. NY: *Cornell University Press*, 272 p. (In Eng.).
30. Rowl, J. (1996) Political Liberalism. *New York: Columbia university press*, 525 p. (In Eng.).
31. Shaw, M. (2000) War and globality: the role and character of war in the global transition / Ho-Won Jeong (ed.) *Peace and Conflict: A New Agenda*, Aldershot: Ashgate, 407 p. (In Eng.).

Информация об авторах:

Константин Геннадьевич Мальцев, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры теории и методологии науки, Белгородский государственный технологический университет им. В. Г. Шухова, Белгород, Россия

ORCID ID: 0000-0003-1398-6625, **SPIN-код:** 5317-0483, **Author ID:** 913126
e-mail: maltsevaannav@mail.ru

Анна Викторовна Мальцева, кандидат политических наук, доцент кафедры теории и методологии науки, Белгородский государственный технологический университет им. В. Г. Шухова, Белгород, Россия

ORCID ID: 0000-0001-5363-9447, **SPIN-код:** 6190-8165, **Author ID:** 712074
e-mail: pavic69@mail.ru

Статья поступила в редакцию: 31.05.2021; принята в печать: 02.08.2021.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Information about the authors:

Konstantin Gennadievich Maltsev, Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Theory and Methodology of Science, Belgorod State Technological University named after V. G. Shukhov, Belgorod, Russia

ORCID ID: 0000-0003-1398-6625, **SPIN:** 5317-0483, **Author ID:** 913126
e-mail: maltsevaannav@mail.ru

Anna Viktorovna Maltseva, Candidate of Political Sciences, Associate Professor of the Department of Theory and Methodology of Science, Belgorod State Technological University named after V. G. Shukhov, Belgorod, Russia

ORCID ID: 0000-0001-5363-9447, **SPIN:** 6190-8165, **Author ID:** 712074
e-mail: pavic69@mail.ru

The paper was submitted: 31.05.2021.

Accepted for publication: 02.08.2021.

The authors have read and approved the final manuscript.